

АЙРИН ЛАКС

ЛитРес: <

Ты будешь моей
18+

Айрин Лакс
Ты будешь моей

«Автор»

2021

Лакс А.

Ты будешь моей / А. Лакс — «Автор», 2021

Несколько лет назад я забеременела от любимого мужчины. Но он исчез из моей жизни, и мне пришлось пойти на обман, чтобы сохранить жизнь ребёнку. Я думала, что больше никогда не увижу бывшего возлюбленного. Но сейчас этот мужчина вновь появился в моей жизни, твёрдо заявив: «Ты будешь моей!»

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Марьяна	8
Глава 2. Марьяна	10
Глава 3. Марьяна	12
Глава 4. Марьяна	14
Глава 5. Богдан	18
Глава 6. Марьяна	21
Глава 7. Марьяна	23
Глава 8. Марьяна	25
Глава 9. Марьяна	27
Глава 10. Марьяна	30
Глава 11. Марьяна	32
Глава 12. Марьяна	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Айрин Лакс

Ты будешь моей

Пролог

– Что ты здесь делаешь? Выйди из детской! – требую я шёпотом, чтобы не разбудить Максима.

Богдан прикладывает к губам палец, приказывая мне молчать. Медленно проводит ладонью по волосам сына.

Сердце обливается кровью, когда Богдан осторожно целует волосы Максима. Внутри всё переворачивается, а горло душит слезами. Сколько раз я в мечтах представляла, как он, настоящий отец, склонится над спящим сыном, позовёт его по имени.

Это происходит именно сейчас. Богдан осторожно прикасается к сыну, поправляет сползшее одеяло и выпрямляется. Он – настоящий отец Макса, а я не имею права сказать даже это. И тем более не скажу о чувствах, что бушуют внутри.

Прошло больше шести лет, но я угадываю родные черты лица любимого мужчины даже при тусклом свете ночника. Знаю каждую линию. Могу прочертить их по памяти с закрытыми глазами. И только спустя мгновение приходит осознание – он изменился. Часто моргаю, пытаюсь согнать жгучие слёзы. Спешу сделать шаг назад, чтобы не будоражить себя.

Богдан распрямляется и быстро покидает детскую. Прикрывает дверь мягко и осторожно. Но потом вдруг появляется передо мной и безжалостно стискивает пальцы на локте. Тащит меня по коридору. Свернув за угол, толкает спиной к стене.

Я боюсь его близости и одновременно хочу её. Ноги дрожат. Я боюсь упасть, если он отпустит меня и боюсь его помощи, как огня. Он так близко. Меня окутывает ароматом его парфюма. Но даже сквозь резкие ноты ветивера я узнаю его будоражащий запах. Он наклоняется ко мне. Упираюсь в его грудь руками – как будто пытаюсь оттолкнуть наступающую бетонную стену.

– Отпусти меня! – шепчу пересохшими губами.

– С чего бы? Раньше просила не отпускать, – его улыбка напоминает оскал. – И как ты объяснишь то, что твой сын – моя вылитая копия? Сколько ему сейчас? Пять лет, да?

– Как ты узнал?

– Твой муженёк похвастался своим сыном. А я не тупой, не слепой и далеко не кретин...

Богдан удерживает меня за плечо одной рукой, второй достаёт бумажник, пытаюсь добраться до нужного отсека.

Стараюсь дышать немного чаще. Пытаюсь держать себя в руках, но меня колотит нервной дрожью. И страхом. Я знаю Богдана, но того, другого, каким он был в прошлом. Сейчас этот мужчина знаком мне только внешне. Я чувствую в нём слишком много эмоций и не могу сказать, что они со знаком плюс.

Веду плечом, чтобы он отпустил меня. Богдан отдаляется. Совсем немного. Но мне хватает, чтобы выскользнуть из его плена.

– У нас одно лицо! – бросает в мою сторону обвинения Богдан. Показывает свою детскую фотографию – единственное, оставшееся от его родителей. Потом небрежно прячет бумажник в карман.

– Я настоящий отец твоего ребёнка! – его голос вибрирует от сильных чувств. – И что ты на это скажешь, Марьяна?

– Ты ошибаешься, – пытаюсь обойти Богдана, но он резко прижимает меня к стене. Распластывает по ней своим сильным телом. Я сразу начинаю тонуть в обжигающем жару и

резко вдыхаю запах. Делаю несколько жадных глотков, пытаюсь вдохнуть воздух, но приходится дышать запахом его тела. Это сводит с ума.

– Я не ошибаюсь! – холодно заявляет Богдан. – Я отец Макса. И тест ДНК это подтвердит!

– Тест-ДНК? О чём ты говоришь? Я не понимаю...

– Ох, давай играть в «не понимаю», если тебе так хочется! – лающий и озлобленный смех царапает мой слух.

– Что ты хочешь от меня? Спусти столько лет!

– Детка, – ухмыляется он. – Мне нужна не ты. Я хочу забрать то, что ты украла у меня – право быть отцом.

– Я ничего у тебя не крала.

– Украла, – упрямо повторяет Богдан.

Я отчаянно пытаюсь найти в его суровом лице отголоски тепла. Но Богдан замкнут в себе. Сейчас его перемыкает на мыслях о собственном сыне.

– Мой сын... Родной. Живёт в семье неудачника, – презрительно кривит губы Богдан. – Я намерен это исправить.

– Исправить? – не понимаю, к чему он клонит, но почти сразу же меня накрывает осознанием, что именно хочет сказать Богдан. – Я ни за что не отдам Макса! – говорю как можно твёрже.

– Очень скоро твоё мнение по этому поводу сильно изменится.

Я заворожённо смотрю на острые, чёткие линии лица Богдана. На подбородок с колкой щетиной, впалые щёки и скулы. Опасаюсь заглянуть в зеленоватые омуты глаз, поэтому скольжу взглядом по губам и подбородку.

– Нет. Ты не имеешь никакого права.

– А вот тут ты ошибаешься, Марьяна! – его острый кадык дёргается вверх-вниз, когда он едва слышно шипит горячим шёпотом близко от моих губ. – Я хочу увидеться со своим сыном. Хочу принимать участие в его жизни. Ты не имела никакого права прятать его от меня...

– У Макса есть отец!

Богдан перемещает руку на мою шею, обхватывает пальцами и сдавливает.

– Повтори, что ты сказала? Кто его отец? Вот этот рыхлозадый неудачник? Отец Макса по крови – я. И я это докажу!

Богдан разъярён. Пальцы сильнее смыкаются на моей шее. Царапаю его запястье ногтями. Он переводит взгляд вниз, на мои пальцы, словно не чувствует боли. Только наблюдает, как набухают красные капельки крови.

– Тест ДНК будет, Марьяна. Я это гарантирую...

– И что потом? – спрашиваю охрипшим голосом. – Ты увидишь плюсики и что дальше, Богдан?

Он разжимает пальцы, опускает руку. Потом с размаху бьёт раскрытой ладонью по стене. Удар глухой, но меня он пугает. Бомба под водой тоже взрывается без лишнего шума, но потом поднимается большая волна и сносит всё на своём пути. Я зажмуриваюсь. Опасаюсь цунами его холодной ярости.

– Потом? – усмехается. – Посмотри на меня, Марьяна. Я не люблю разговаривать со стенами, – ловит мой робкий взгляд. – Да, так гораздо лучше... Отец имеет право на многое. Например, на общение с ребёнком.

– И как ты себе это представляешь? – шепчу я, ужасаясь от мысли, что уже смирилась с частью правды.

Мысленно я уже подвела черту, за которой правда всплывает наружу. А дальше я боюсь заглядывать. Моя семья будет разрушена до самого основания открывшейся правдой. Но рано или поздно это должно было произойти. Они слишком похожи – Макс и Богдан. Слишком!

– Богдан, пожалуйста. Не надо. От моей семьи останутся одни руины... – умоляюще шепчу слабым голосом. – Пожалуйста.

– Нет.

Коротко и ёмко. Богдан не собирается оставаться в стороне. Я чувствую это в нём – непреклонную решимость пройти по моей жизни бетонным катком, раздавив то небольшое, что осталось целым.

– Я возьму своё. У меня есть права.

– Ни я, ни Виталий... – собираю все силы, чтобы не рыдать. – Мы не отдадим сына. Ни за что.

– Возможно, сейчас твой муженёк заливается соловьём о любви к сыну. Но что будет, когда он узнает, что Макс – не родной ему? Что будет, когда я помашу перед его жирной мордой длинным рублём? Я дам ему понять, что он получит финансирование своего утлого бизнеса только при определённых условиях... – Богдан делает паузу, разглядывая меня насмешливо. – Что будет тогда? Как дорого он продаст мне моего сына, а?

– Чудовище! – выдыхаю я.

Богдан отступает. Засовывает руки в карманы брюк. Его лицо принимает отстранённое и ожесточённое выражение. Я стараюсь перевести взгляд в сторону, чтобы он не заметил, как на глазах закипают слёзы. Мне больно смотреть на высокомерную маску богатого ублюдка, в которого превратился мужчина, когда-то любимый мной.

– Раньше тебе нравилось!

Его голос звучит слишком близко от моего уха. Я вздрагиваю, понимая, что он задирает мои руки высоко над головой и фиксирует запястья одной рукой. Запускает пальцы в волосы, треплет идеальную причёску. Ведёт носом по коже шеи. Дрожу от распалюющих прикосновений. Лёгкий укус. Горячая влажная дорожка – языком от уха до самой ключицы. Часть меня отзывается на его грязноватую ласку. Дрожь узнавания выдаёт меня с головой. Богдан резко отпускает меня. Я вжимаюсь в стену, просто чтобы не упасть.

– Теперь ты выглядишь слегка потрёпанной. Мне нравится, – подмигивает Богдан. – Часто думаешь обо мне, лёжа в постели с этим боровом?

– Нет. Не думала о тебе ни разу, – отираю слёзы тыльной стороной ладони.

– Уверен, ты врёшь, – кивает мне и припечатывает напоследок. – Советую готовить Макса к правде об его отце. Или это сделаю я.

– Ты причинишь ему боль! – почти кричу я.

– Не ему. Тебе. Это другое.

Богдан уходит. А я остаюсь. Едва живая, готовая упасть и ползти за ним, целуя следы, лишь бы он не посмел тронуть моего сына.

Господи, есть ли предел выдержки? Или испытания только начинаются?

Глава 1. Марьяна

Незадолго до событий пролога

– А вот и мой потенциальный инвестор, – шепчет муж. – Улыбнись, малыш, мы должны произвести хорошее впечатление!

Я послушно растягиваю губы в приветливой улыбке. В холле дома появляется мужчина. Высокий, широкоплечий. Он находится на значительном расстоянии от меня. Но сердце узнаёт его быстрее, чем я различаю черты лица мужчины. Я бы отдала всё на свете, чтобы больше никогда не встречать Богдана Чернова. Но судьба распорядилась иначе.

Сейчас Богдан решительным шагом пересекает холл. Он направляется напрямиком к нам. Пружинистая, энергичная походка. Горделивая посадка головы. Русые волосы сейчас немного длиннее, чем раньше. Он поправляет их до боли знакомым жестом.

Я понимаю, что замолкла, разглядывая его. Проклинаю ступор и реакцию собственного тела. Но не могу реагировать иначе. Прошло столько лет, а сердце до сих пор кровоточит от воспоминаний.

– Добрый вечер, Богдан. Позволь представить, моя жена – Марьяна.

– Марьяна? Красивое имя, – сощуривает глаза Богдан.

В его взгляде слишком много льда. Я чувствую его так, словно он проводит обжигающим холодом по моей щеке и останавливается на губах.

– Богдан, – приветствует меня небрежным кивком. – Моя жена, Анна, опаздывает. Женщины, – фыркает он.

– Она появится позднее? А то я уже подумал, что Антон сегодня заменяет твою жену, – неуклюже пытается сосрить Виталий – мой муж.

Я знакомлюсь с Антоном. Кажется, он не только партнёр Богдана, но и его близкий друг.

– Марьяна, – представляюсь я. – Очень приятно.

Губы произносят слова, но я не понимаю их смысла. Разглядываю Богдана.

В груди становится больно и колко. Но всё равно смотрю на мужчину, понимая, что черты лица стали ещё резче. Скулы такие острые, что можно порезаться. Широкий разворот плеч. Угольно-чёрный костюм, но он носит его небрежно и без галстука. Ворот рубахи распахнут больше необходимого. Виднеется верхняя часть чернильной татуировки. Крылья, распахнутые в полёте, на груди. Это не единственная татуировка Богдана, у него их достаточно.

В мысли врываются воспоминания о его сильном, мускулистом теле с рельефными мышцами. Поджарое, полное запертой мощи и звериной силы. Богдан всегда производил впечатление затаившегося хищника.

Он поднимает взгляд и смотрит на меня в упор. По губам скользит едва заметная усмешка. Но выражение глаз остаётся непроницаемым. Его взгляд, словно удар, выбивает из лёгких воздух. Богдан наслаждается произведённым эффектом. Мне кажется, что я слышу, как он лениво выплёвывает:

– Привет, дрянь. Давно не виделись.

Пытаюсь отделаться от этих мыслей. Но Богдан сверлит меня взглядом. Колени начинают дрожать. Я пытаюсь найти точку опоры и перевести взгляд в сторону. Уголки губ Богдана приподнимаются вверх. Ему смешно? Но мгновением позже я слышу его глубокий, низкий голос с сексуальной хрипотцой:

– Что ж, будем ждать мою жену в холле? Или переместимся в другую комнату?

Звук его голоса обрушивается на меня бурлящим потоком. Я ненавижу его за то, что он так сильно влияет на меня. И одновременно с этим я благодарна ему за наводку. Паузу затянулась. На это намекает и усиливающийся нажим пальцев мужа на моей талии. Я переключаюсь на режим идеальной хозяйки, готовой проявить чудеса гостеприимства. Мысли в голове путаются. На плечах столько проблем. Думать о бывшем? Только этого мне не хватало!

– Малыш, что с тобой? – шепчет Виталий. – Устала?

– Да, немного. Пока была на кухне, – хватаюсь за спасительную соломинку лжи, протянутую мужем.

– Ничего, милая, скоро тебе не придётся готовить самой. Уверен, Чернов готов вложить в мой отельный бизнес свои денежки, – убеждает меня муж.

– Конечно, у тебя всё получится! – машинально отвечаю я.

Муж вглядывается в моё лицо.

– Марьян, когда ты твердишь, что наш сын протянет до операции, я в это верю. Почему бы и тебе сейчас не поверить в меня?

– Виталь, мы говорим о разных вещах! – успокаиваю мужа ласковым поглаживанием по щеке. – Поговорим позднее, ладно?

– Хорошая хозяйка никогда не оставляет гостей скучать, – слышится сочащийся ядом голос Марины Станиславовны.

Марина – мать моего отца. По сути, она приходится мне бабушкой. Но мне бы и в голову не пришло назвать её так – коротко и ласково. Для меня она Марина или просто гримза.

– Виталь, пойдём к гостям, – прошу я мужа и увожу его за собой.

– Сначала проверь, всё ли готово, – командует гримза, цедя сквозь зубы. – Хозяйка года!

Мне всё чаще хочется поставить её на место. Она чопорная, строгая, знающая цену себе и любящая указать на то, сколько стоят другие. В последнее время Марина Станиславовна всё чаще забывает о своём правиле произносить гадости завуалировано и открыто высказывает неодобрение. Возможно, сказывается возраст. Ей уже семьдесят лет. Она стала ещё сварливее. Теперь её ядовитые плевки уже трудно назвать простым старческим ворчанием.

– Пойду к гостям, – целует меня в щёку Виталий. – Малыш, займись столом. Уверен, всё будет на высоте.

Муж оставляет меня наедине с гримзой. Сейчас её внимание как никогда обострено. Мне неуютно находиться под её острым, колючим взглядом. Я разворачиваюсь в сторону столовой, чтобы проверить сервировку стола.

– Веди себя прилично! Не вздумай вилять задницей перед ним! О да, я его узнала! Богдан Чернов... – шипит гримза, вцепившись в мой локоть.

Я усмехаюсь в лицо Марины Станиславовны. Ещё бы она не узнала Богдана!

Много лет назад я встречалась с Богданом тайком, но однажды Марина всё-таки поймала меня на месте преступления – мы целовались. «Добрая бабушка» позвонила в полицию и заявила, что меня хотят изнасиловать. Позднее она долго и доходчиво объясняла мне, что нельзя вести себя так же, как моя гуляющая мать. Потом было больно даже разговаривать, не то что целоваться – от удара ремнём лопнула губа. Возможно, сейчас Марина узнала в рослом, заматерелом мужчине парня из моего прошлого. Могу только надеяться, что она не догадалась, кто приходится настоящим отцом Максиму, моему сыночку.

Глава 2. Марьяна

– У тебя есть повод зубы скалить? – спрашивает Марина.

– Наверняка сейчас ты кусаешь локти, что много лет назад сделала ставку не на того жениха, да? Богдан сейчас во много раз успешнее Виталия.

– Ах ты ша...

– Марьян, мы тебя заждались! – в комнату заходит Виталий.

Марина медленно опускает занесённую ладонь. Руки у неё уже покрыты старческими пигментными пальцами, но ногти всё ещё крепкие и длинные, покрашены кроваво-красным цветом.

– Марина, кажется, у вас сегодня не самое хорошее настроение, – беспечно заявляет муж, но уводит меня.

– Виталь, я так больше не могу! – шепчу мужу. – Карга совсем выжила из ума. Мне надоело терпеть её оскорбления!

– Немного терпения, малыш! Ну, куда мы пойдём? – спрашивает Виталь. – Мы живём у неё в доме...

– Снимем квартиру? Поживём в одном из твоих «роскошных» отелей? – предлагаю варианты, усмехаясь.

Виталий останавливается и сжимает мои плечи пальцами.

– У нас трудные времена. Сейчас, как никогда раньше, я нуждаюсь в поддержке и вере в меня. Твои упрёки и капризы никак не помогают, поверь. Просто потерпи. Совсем скоро наша жизнь изменится в лучшую сторону!

Виталий притягивает меня к себе за шею, начиная целовать. Мягко, неспешно. Влажный, язык ласкает мои губы. Во мне мало что отзывается на его скользкие поцелуи. Говорят, мёртвое умереть не может. Но для меня ласка мужа по вкусу напоминает пепел сгоревших надежд.

Чужой взгляд. Я чувствую его всей кожей. Она мгновенно покрывается острыми пиками мурашек.

– Мы заждались сладкую парочку... – вальяжно заявляет Богдан.

Он видел, как муж целовал меня. Жаль, что не могу разглядеть выражения его глаз – они кажутся тёмными. Богдан отпивает из бокала, смотрит на меня и на мужа, задаёт вопрос:

– Сколько вы уже в браке?

– Шесть лет, – отвечает Виталий.

– Говорят, любовь живёт три года. У некоторых она не выживает и одного... – усмешается, наклонив голову.

Густые волосы падают ему на лицо. Богдан поправляет их, зачёсывая пальцами.

– Но глядя на вас, я снова начинаю верить в чудеса, – нараспев произносит он. Салютует бокалом. – За любовь и верность. За семью и детей.

При последнем слове он переводит взгляд на меня и смотрит в упор. Сердце заходится в бешеном ритме. Знает ли он что-нибудь о Максе? Мой сын уже спит, но вдруг Виталий хватался фотографиями, желая расположить к себе потенциального инвестора? Я начинаю беспокоиться, что Богдан узнает в моём сынишке себя в том же возрасте. Этот страх почти парализует меня на месте. Но потом я слышу приторный голос Марины, приветствующей гостью:

– Анюта, ты так похорошела!

– О, кажется, это прибыла моя жена... – Богдан отталкивается плечом от дверного косяка, выходя в холл. – Ты, как всегда, бесподобна! – заявляет громким голосом.

– Я немного опоздала! – воркует в ответ жена Богдана.

От звука этого голоса мне становится ещё противнее на душе. Я очень сильно надеюсь ошибиться, но увидев жену Богдана, понимаю, что вечер будет мучительно длинным.

В холле стоит Аня – моя двоюродная сестра. Ещё один призрак из прошлого, о котором я предпочла бы не вспоминать. Жена Богдана. Жена! Всё-таки сохла она по нему, хоть и отрицала это.

– Привет, Марьяна, – Аня останавливает взгляд светло-карих глаз на мне, растягивает губы в торжествующей улыбке. – Милый домик и такой знакомый. Здесь совершенно ничего не изменилось за шесть лет! Но у меня множество перемен в жизни. В семье, например. Ты уже познакомилась с моим мужем?

Анна ломает комедию. Почти все присутствующие в курсе прошлых отношений. За исключением разве что моего мужа и Антона, приятеля Богдана.

– Познакомилась.

– Богдан преуспел! – продолжает смаковать торжество Аня. – Он любит своё дело. До сих пор может сутками висеть за компьютером.

«Я знаю!» – едва не срывается с моего языка.

Я знаю о Богдане слишком многое. Как он спит, как держит сигарету, когда курит, как любит крутые виражи на большой скорости или как его лицо искажается во время секса...

Всё это в прошлом.

Сейчас Чернов выглядит уже не тем дерзким парнем, по которому сходили с ума многие девушки. Он возмужал, окреп, в глазах появилось холодное, ожесточённое выражение, которого не было раньше. И он поднялся. Судя по всему, очень хорошо преуспел.

Раньше всё было с точностью до наоборот – на Богдана смотрели, как на нежелательный элемент в радиусе километра от моего дома. Теперь я и Виталий стоим гораздо ниже на социальной ступеньке. Мы даже не хозяева в этом доме. И ещё больше я чувствую себя гостьей сейчас, когда от милости и прихоти Богдана зависит слишком многое.

– Улыбнись, малыш! – напоминает мне муж.

И я улыбаюсь. Приветливо и мило улыбаюсь. Но больше всего мне хочется закрыться в комнате, вцепиться зубами в подушку и выть от тоски.

У меня могло быть всё. У меня нет ничего...

«Нет. У меня есть сын, – поправляю себя. – Его у меня никто не отберёт!»

Глава 3. Марьяна

Голова начинает болеть почти сразу же. Давления вокруг меня слишком много. Все чего-то ждут от меня. Марина ждёт, что я опозорюсь и выставлю себя в дурном свете, чтобы потом отчитывать меня ядовитым голосом, растравливая оскорблениями. Муж ждёт, что я буду идеальной хозяйкой и женой на его ярмарке тщеславия.

– Хочу познакомиться с потенциальным инвестором поближе. Поэтому пригласил его на семейный ужин, – так объяснял мне муж.

Не помню, называл он мне фамилию инвестора или нет. Кажется, в тот момент я читала о противопоказаниях протезирования сердечного клапана у детей. Поэтому пропустила большую часть информации мимо ушей.

Теперь пожинаю плоды собственной невнимательности. Смогла бы я подготовиться к встрече с прошлым? Реагировала бы так же остро? Не знаю.

– Малыш, у тебя совсем нет аппетита! – ласково укоряет меня муж, накладывая ещё гору салата к тому, что уже выложен горой на моей тарелке. – Поешь хотя бы салат?

– Спасибо, милый, – выдавливаю из себя ласковые слова.

Кажется, Богдан в этот момент клеймит меня обжигающим взглядом.

– Иногда приятно возвращаться в знакомые места, будучи уверенной, что здесь ничего не изменилось! – сладко воркует Аня, не забывая сдабривать свои слова ядом. – У тебя, Марьяна, чудесная семья! Поздравляю. Мечты должны сбываться...

Анна отпивает вина и смотрит на меня поверх бокала. Едва ли не жмурится от удовольствия. Ей приятно осознавать, что сейчас она на волне, а я плетусь где-то позади. Аня поглядывает и на Марину сияющим взглядом. Наверняка помнит каждый недовольный взгляд и обидное слово, брошенное в её сторону Мариной.

Теперь Аня чувствует себя победительницей, смакует свой триумф. Я поглядываю на Богдана, гадая, о чём думает он сам. Волнует ли его хоть что-то, вспоминает о нас или нет? Обвожу взглядом его длинные пальцы. У Богдана красивые руки с синеватыми венами, но костяшки напрочь сбиты. Светло-золотистые волоски на смуглой коже. На правой руке чуть выше запястья лаконичная татуировка из двух чёрных полос – одна над другой. Вторая рука забита татуировками до самых плеч. Отгоняю видения прочь. Но воспоминания настойчиво лезут одно за другим.

Антон, знакомый Богдана, поддерживает беседу за столом. Он кажется довольно приятным собеседником. Возможно, только потому, что я его не знаю.

– Важный звонок, надо отойти! – извиняется Богдан и выходит.

С полминуты за столом держится тишина. Только изредка постукивают столовые приборы.

– Как ты, Марьяна? – интересуется Аня.

– Отлично. Семья, муж, работа... – отвечаю я.

– Ты работаешь? – изумляется Аня и наклоняется вперёд, демонстрируя глубокое декольте и увеличенную грудь. – Неужели всё так плохо? – интересуется она нарочито громким шёпотом.

– Хобби, – беспечно отзывается Виталий. – Марьяна боится сойти с ума от безделья, поэтому занимает своё время чем угодно...

Мы оба знаем, что он лжёт. Но признавать свою несостоятельность публично он не станет.

– Йога, пилатес, языковые курсы, – начинает загибать пальцы Аня. – Тренажёрный зал... Ммм, даже не знаю, куда я смогла бы впахнуть работу. Вероятно, не нашлось бы и свободной минутки!

– Как у вас обстоят дела? Семья уже полная? – спрашиваю я. – Есть дети?

– Нет. И пока не планируем! – резко отвечает Аня.

– Жаль. Дети – это чудо. Я души не чаю в своём сыне...

Лицо Ани странно перекашивается после моих слов о Максе. Словно я нечаянно умудрилась нажать на болевую точку.

– В чём дело? У вас сложности? – спрашиваю я, будто не поняла, что Ане неприятна эта тема.

Аня демонстративно тянется за бокалом с вином, не желая отвечать. Я замечаю тень недовольства и досады, вполне искренней.

– Не отчаивайтесь. Современная медицина творит чудеса. На крайний случай, можно прибегнуть к ЭКО, суррогатному материнству или усыновить ребёнка, – ровным голосом рассуждаю я. – И если уж зашёл разговор о детях, проверю, хорошо ли спит Макс.

– Поцелуй его за меня, – просит муж. – И возвращайся как можно скорее. Буду скучать.

Я улыбаюсь в ответ на слова мужа, поднимаюсь на второй этаж, жадно глотая воздух. Словно только сейчас обретаю возможность дышать полной грудью. Прислоняюсь к стене за углом, замирая без движения. Нужно двигаться дальше. Обнять сына, напитаться его спокойствием и безграничной любовью к нему. Глотнуть свежих и чистых эмоций, чтобы суметь выдержать испытание званым ужином.

Я тихо нажимаю на ручку и толкаю ладонью дверь. Замечаю тёмный силуэт, склонившийся над кроватью Макса. В комнате включён ночник, но видно немного. Я узнаю мужчину.

– Богдан?

Всё-таки это произошло. Теперь спрятать правду о Максе не удастся. Придётся поговорить с Богданом. Но я не представляла, что наш разговор повернётся в сторону угроз отобрать моего сына.

Я во многое не могла поверить. Но теперь приходится. Реальность безжалостно давит со всех сторон. Не знаю, как я смогла выдержать ужин. Вернулась за стол и действовала на автомате, отключив все до единой эмоции.

Льну к мужу, в поисках, если не поддержки, то хотя бы человеческого тепла. Но пальцы стынют от холода – я словно покрыта коркой инея изнутри и снаружи. Надо поговорить с Виталием. Не знаю, как сказать ему правду.

Глава 4. Марьяна

Виталий не знал о Богдане, даже не догадывался о нём. Когда я вышла замуж за Виталия, срок беременности был совсем небольшим. Это был мой единственный шанс сохранить ребёнка. Беременность замужней девушки не стала бы значительным событием. Так и произошло.

Когда Макс ещё не родился, я часто гадала – на кого он будет похож. На меня или на Богдана? Оказалось, что правильным был второй вариант. И, помню, первой мыслью было – хорошо, что Виталий тоже русоволосый и светлоглазый. В глазах родственников Макс пошёл в отца цветом волос и глаз, а черты лица – смешанные, не разберёшь, на кого похож.

Но я знала правду. Макс получился похожим на Богдана. И это стало моей отрадой и проклятием одновременно. Любимый сын и живое напоминание о мужчине, который был для меня словно глоток свежего воздуха.

Богдан был для меня всем – вкусом запретной свободы, отчаянной надеждой вырваться из-под гнёта родительской тирании, сумасшедшей первой любовью, особенным мужчиной – ведь первый раз бывает лишь однажды...

Богдан стал для меня всем. Мы встречались тайком. Он сначала шутя предлагал мне сбежать. Потом, поняв, что меня держат в ежовых рукавицах, заявил, что дальше так продолжаться не может.

Мы выбрали день и час моего побега. Договорились встретиться. Аня прикрыла бы меня перед родственниками и Мариной. Побега не произошло. Меня перехватили и поместили в закрытую лечебницу на неделю, чтобы я остыла и перестала брыкаться. Богдан уехал, не дождавшись меня. Уехал с Аней – с той самой девушкой, которая и сдала мой план побега Марине.

Марина замяла скандал, оборвала все его ростки и не позволила ни одному слуху просочиться дальше стен нашего дома. Ещё бы! На кону стояла моя женитьба с Виталием, по договорённости сторон. Состоятельные девочки должны выходить замуж за золотых мальчиков, подающих большие надежды.

И хоть ни мою семью, ни семью Виталия нельзя было назвать очень богатыми, скорее, мы были средним классом, но Виталий был намного предпочтительнее Богдана – дерзкого парня на байке, с кучей приводов в участок и множеством безумных идей в голове.

После неудавшегося побегу я позвонила Богдану лишь однажды. Тайком, опасаясь быть пойманной и трясясь от страха. Но в ответ услышала его короткий и безжалостный приказ: «Не звони мне!»

Потом был ответный звонок от него – пьяный, с россыпью грязных обвинений в корыстности... Я перестала надеяться на помощь принца верхом на дерзком байке и смирилась с реальностью, в которой мне давно была уготована роль примерной жены.

В честолюбивых мечтах капиталы моей семьи и семьи Виталия объединялись, давая пропуск в мир богатых и избранных. Поначалу всё шло по плану. Новый гостиничный бизнес пошёл в гору. Но потом Виталий решил, что пора перейти на следующую ступень и размахнулся на строительство двух крупных отелей премиум-класса. Его грандиозный проект выжимал все финансы из семьи. Мы погрязли в долгах и кредитах. Потом оказалось, что дело всей жизни Виталия не выгорело. Мало того, что бизнес показал себя нерентабельным, так потом ещё и оказалось, что из-за крайне сжатых сроков здания строили с нарушениями техники безопасности.

Один из роскошных отелей сейчас пустует, рискуя свалиться, как карточный домик, в любой момент. Там опасно находиться – территория ограждена. Величественный и безумно

дорогой отель «Victoria» стал живым призраком и символом поражения всех честолюбивых планов Виталия.

И самое печальное, что муж не желал признавать своих ошибок. Продолжал жить на широкую ногу, закатывать дорогие ужины и обеды для партнёров, швырялся дорогостоящими презентами, выкачивая те немногие финансы, что остались. Банк даже отобрал наш дом и пришлось вернуться жить в клетку – так я называла дом Марины...

Я кручу эти мысли в голове и никак не могу выбраться из губительной воронки. С облегчением вздыхаю, когда гости собираются уходить. Напоследок Аня неловко задевает бутылку чилийского красного сухого вина. Оно разливается на белоснежной скатерти и стекает на светлый ковёр.

– Простите. Я такая неловкая...

– Не стоит беспокоиться, – успокаивает Марина. – Прислуга всё уберёт.

Мне становится смешно. Единственная прислуга в доме – это я. Через минуту после ухода гостей мне предстоит снять роскошное платье, чтобы прибрать со стола под понукающим взглядом Марины.

Я с нетерпением жду, пока красные огоньки задних фар автомобилей скроются за воротами дома.

– Марьяна! – сразу же шипит Марина. – Нужно срочно устранить винные пятна!

Часть меня внутри сжимается от строгого командного тона, но другая часть обозлённо встаёт на дыбы. Я устала жить по чужим правилам. Скоро всё полетит в тартарары и винное пятно на ковре будет самой меньшей из моих проблем. Поэтому я молча беру из бара бутылку каберне и бокал для себя.

– Уберись немедленно! – Марина догоняет меня и цепляет за локоть сухими пальцами.

– Завтра вызову клининговую компанию! – отцепляю пальцы от своего локтя.

– Это нам не по карману! – возражает старая стерва.

– Напротив. Виталий уверен, что скоро мне даже не придётся работать! – сладким голосом отвечаю я. – Сделка у нас в кармане!

Я огибаю застывшую Марину по большой дуге.

– Поставь вино! Не будь, как твоя мать-алкоголичка!

– Надо же! Теперь она ещё и алкоголичка. Раньше была просто распутной девкой! – усмехаюсь я.

– Мерзавка! – клоочет Марина. – Я потратила на тебя всю свою жизнь! Сколько сил я в тебя вложила? И для чего все это? Чтобы из тебя вышла такая же гуляющая и распутная дрянь, как из твоей матери? Чтобы ты сжила меня со свету, как она сжила моего сына?

Марина идёт за мной по пятам и брызжет ядом. Я резко разворачиваюсь. Она едва не налетает на меня коршуном. Успеваю выставить ладонь и отпихнуть её в плечо. Уверена, что позднее Марина начнёт обвинять меня в рукоприкладстве.

– Что ты себе позволяешь?

– Мне не пятнадцать, Марина. И ты кое-что забыла. Где ремень твоего сына? Или руки уже не такие сильные, чтобы бить? Так вот... – приближаю своё лицо к её, чувствуя запах пудры и приторного парфюма. – Этого больше не произойдёт. Никогда.

Марина отшатывается. Не ожидала такого.

– Ты... ты ещё пожалеешь о своих словах, – добавляет она, впрочем, уже не таким уверенным тоном, отходит и бросает издалека. – На коленях приползёшь умолять о прощении и руки мне целовать будешь!

Я скрываюсь за дверью спальни. Со стуком ставлю бутылку вина и бокал на комод. Спускаю платье по плечам, позволяя ему осесть лужицей алой краски на пол. Потом беру бутылку вина в руки и смеюсь. У меня нет штопора. Смех звучит громко, но в нём появляются исте-

ричные нотки. На пороге спальни появляется муж. Видит бутылку вина в моих руках и истолковывает её по-другому.

– Малыш, я тоже считаю, что это надо отметить!

– Я забыла штопор!

– Сейчас принесу! – муж выходит быстрее, чем я успеваю его остановить.

Виталий возвращается со штопором и бокалом для себя. Он лоснится от удовольствия и напоминает упитанного кота.

«Тебе нравится лежать в постели с этим боровом?» – вспоминаю слова Богдана.

Виталий немного погрузнел за последние три года и поплыл в талии. Не могу назвать его толстым. Но сравнение с Богданом не идёт на пользу моему мужу.

– Уверен, что уже завтра мы подпишем бумаги... – брызжет весельем Виталий. Касается моего бокала своим. – За успех!

Едва отпив, муж снова начинает говорить. Переживает каждый момент вечера, смакует собственные шутки и посмеивается так, словно произносит их впервые. Он либо слеп, либо отчаянно верит, что всё получится. Виталий не замечает очевидного – Чернов не собирался давать деньги просто так.

Внезапно я понимаю, что весь ужин – это фарс. Лишь средство, чтобы Богдан мог воочию убедиться: Макс – его сын. И теперь, получив подтверждение, он не остановится ни перед чем, чтобы заполучить его.

А муж... Муж убеждён, что снова поднимется с колен и гроза банкротства минует его стороной. Внезапно накрываю губы Виталия пальцами.

– Да, ты права. Хватит болтать.

Муж отставляет свой бокал и отбирает мой, притягивает к себе.

– Ты очень красивая в этом белье, – шепчет он, сминая талию, спускается ладонями ниже.

Внутри поднимается волна протеста.

– Постой... – выворачиваюсь из его объятий, отходя на значительное расстояние. – Ты должен кое-что знать о Максе.

Виталий подливает себе ещё вина.

– Ты обеспокоена чем-то. Шумы в сердце Макса, да? Что нам сказал врач? С его заболеванием это в пределах нормы! Нет поводов для беспокойства!

– Врач сказал, что время ещё есть. Но не стоит не тянуть до последнего и позаботиться о протезировании сердечного клапана. Чем раньше, тем лучше. Так я буду уверена, что со здоровьем сынишки всё в порядке.

Муж кивает.

– Да, я знаю. Но что ты будешь делать сейчас? Глубокой ночью? Ты ничего не сможешь поделать. Нужно дождаться очереди на операцию.

Я плотно смыкаю губы, чтобы не закричать. Пренебрежение Виталия к здоровью Максу накатывается на меня отрезвляющей волной. Желание откровенничать с мужем пропадает.

– Да. Конечно. Только очереди очень длинные. Я рассматриваю варианты платной операции. В Израиле очень хорошие клиники.

– Мы можем себе это позволить? – хмурится Виталий.

– Разумеется! Я уже собрала половину стоимости на операцию. И потом, сделка же у тебя в кармане! – восторженно отвечаю я.

В моих словах слышится слишком много яда. Даже Виталий это понимает.

– Кажется, не только Марина сегодня не в настроении, да? – муж целует меня в щёку. – А я взбудоражен будущим успехом и не смогу уснуть. Пожалуй, отправлюсь в бар.

Виталий натягивает пиджак и оставляет меня одну. Тишина скручивается кольцом. Я оставляю бокал с вином в сторону – так и не пригубила, пропало желание. Отправляюсь в

детскую Макса и долго смотрю на спящего сына – единственного, по-настоящему дорогого человека.

Муж возвращается под утро. От него сильно пахнет дорогой выпивкой и дымом сигарет, но сквозь этот чад пробивается сладковатый запах женских духов.

Утро приносит ещё одну порцию едкого разочарования – я нахожу смазанный, едва заметный след чужой помады на рубашке мужа. Становится обидно. Не стану врать себе – я не люблю Виталия и никогда не любила, но я была верной женой, несмотря на трудности... А он похаживает налево.

Но день становится разочарованием не только для меня. Богдан Чернов не говорит мужу «да», но и не отказывает. Просит ещё немного времени взвесить риски.

– Чернов хочет всё взвесить и обсудить ещё раз. Он пригласил нас в ресторан, – сообщает муж.

Виталий не унывает, продолжая верить в то, что Богдан захочет вложиться в его бизнес. Я же понимаю совершенно другое – Богдан даёт мне время. Отсрочку, чтобы я подготовила сына к правде.

Чернов любезно предоставляет мне фору. Сколько? День? Два... Пять?

Глава 5. Богдан

– Чудесный вечер. Спасибо, Антон, до встречи! – улыбается Аня, прощаясь с Антоном. Жена делает шаг в сторону дома. Но не услышав эха моих шагов, изумлённо оборачивается.

– Богдан?

– Иди, – киваю ей. – Мне нужно с Тохой перетереть ещё пару тем. Наедине.

Аня порывается возразить.

– Иди, – говорю с нажимом, отсылая жену прочь.

– Ты вернёшься сегодня?

– Возможно, только под утро, – пожимаю плечами. – Не забивай голову, иди спать.

– Да, конечно! – соглашается Аня, но идёт в сторону, противоположную от дома.

Целует меня в щеку, обдавая знойным ароматом парфюма. Упругая грудь прижимается к моей. Аня прижимается всем телом, намекая на продолжение. Она раскованная и умелая в сексе. Я не был её первым мужчиной, готов поспорить, что не был и вторым. Но сегодня у меня просто нет желания кувыркаться с кем-то в постели. Есть только одно желание – вытравить из себя дурман памяти и жажду по другим прикосновениям. Марь-Яна.

– Мне пора. Тоха ждёт... – отстраняю от себя Аню.

Она обижена, но старается держать лицо и не подавать виду.

– Желаю вам хорошо посидеть! – улыбается она.

Поворачивается и демонстрирует фигуру, доведённую до совершенства. Жена... Это в самом начале она была просто Анька-давалка. Она была готова сигануть с пропасти вниз, если бы я щёлкнул пальцами, пообещав, что мы обязательно взлетим. С ней было не в напряг. Поначалу просто тусовался, не заботился о сохранении верности. Думал, что однажды ей это наскучит. Но Анька никуда не уходила.

Неужели она меня любит? Прошло шесть лет, а она до сих пор рядом. Не могу сказать, что Анька верила в меня и поддерживала в трудные минуты. Но всегда была готова прогнуться, чтобы я мог снять злое и тугое напряжение. Ждала меня с очередных поездок и попыток пробиться в этой жизни.

Как-то однажды она позвонила и заикнулась о детях, мол, мы уже больше года вместе, а что, если однажды у нас появятся дети? Я не рассматривал её даже в качестве жены, тем более не ждал, что Аня станет хорошей матерью. Тогда это было ни к чему, о чём я и заявил прямо. Анька сказала, что её слова были сказаны на будущее. Я посоветовал ей выкинуть мусор из головы и не пропускать приём гормональных препаратов. Любая другая оскорбилась бы пренебрежительным тоном. Но Анька смолчала, встретила меня после поездки.

Я её не любил. Она была для меня очень удобной и необременительной – только и всего. Я женился на ней только потому, что в одной из программ финансирования старт-апов отдавалось предпочтение семейным кандидатам.

Финансирование мне не досталось, но немногим позднее в мои идеи захотел вложиться Антон. Шансы были пятьдесят на пятьдесят, но он рискнул и не прогорел. Мы стали не просто бизнес-партнёрами, но подружались. Разводиться с Анькой я не стал. Она оставалась для меня всё тем же удобным аксессуаром в жизни, умелой любовницей в постели и женой по паспорту.

– Буду ждать! – улыбается Аня напоследок.

Наверное, она идеальная жена по стандартным меркам. Но сейчас я остро чувствую, что она просто хорошая актриса. Её многое не устраивает, но она надевает маску радушия и терпит – потому что лодка нашего брака в последнее время стала золотой.

– Поехали? – предлагает Антон.

– Да. В паб. Бухать...

– Утром будешь жалеть, – предупреждает Антон. – Ты не умеешь пить, с похмелья напоминаешь мертвеца.

– Знаю, – говорю без улыбки. Тоха прав – я не умею пить. Наутро голова будет раскалываться и звенеть, как колокол. – Но ты будешь со мной.

– Притормози, – усмехается Антон, хлопая по плечу. – Я за рулём и не смогу составить тебе компанию.

– Сможешь. Обрато поедем на такси, – возражаю я.

Вижу по лицу друга, что его подмывает спросить меня о чём-то. Но Антон пока молчит и выжидает удобного момента. Впрочем, его терпения не хватает надолго. Едва мы успели смочить горло выпивкой, как друг ставит локти на стол и спрашивает, глядя мне в глаза:

– Что у тебя с той красоткой?

– С какой? – опрокидываю ещё одну стопку, делая вид, что не понимаю, о ком говорит Антон.

Спиртное прокладывает обжигающую дорожку. На мгновение становится легче. Но потом опять начинает зудеть. Так же, как раньше. Этот зуд не унять. Его удалось немного приглушить, когда я прижал Марьяну к стене. Но потом опять нахлынуло.

Зуд. Жажда. Потребность. Злость...

Не знаю, чего больше в этом коктейле. Есть всё, кроме равнодушия. Но сегодня к этому отравляющему пойлу добавилась жгучая порция ненависти. Потому что Марьяна скрыла от меня рождение ребёнка. Держала рождение моего сына в тайне и даже посмела выдавать его за сына тупого жирдяя, своего муженька.

– Не прикидывайся ослом. Что тебя связывает с Марьяной?

– А-а-а... – отвечаю как можно равнодушнее. – Бывшая подруга. В прошлом зависали вместе.

– В прошлом? Уверен? – смеётся Тоха. – По тебе не скажешь, что это было давно. Вы пропали оба. Потом вернулись, жёнушка Балашова была такой потерянной и слегка потрепанной. Вспомнил прошлые развлечения?

– Нет! – резко отвечаю.

– Но хотелось, – возражает друг. – Не дала, что ли?

– Заткнись. Не твоё дело.

– Значит, не дала-а-а... – тянет Антон, разминает кулаки и потом внезапно спрашивает. – Ты подкатывать к ней будешь или как?

– Тебе зачем? – удивляюсь я, пальцы сами крепче стискиваются вокруг бокала со спиртным.

– Кажется, она горячая штучка, – подмигивает Антон. – Можно и подкатить.

– Она замужем, если ты не заметил, – отвечаю неожиданно резко и со злостью.

– Я в курсе, что она замужем. Когда это останавливало? – Антон смеряет меня смеющимся взглядом. – Ты тоже женат, но регулярно ходишь налево. Что мешает Марьяне сделать то же самое? Муж у неё – явный лох.

Отмахиваюсь от Антона. Но он продолжает трепать языком.

– Ей с ним скучно. Ни одна его натяжная шутка не заставила её искренне улыбнуться! Уверен, их супружеская жизнь в спальне скучная настолько, что она разглядывает обои...

Я резко встаю, выходя на свежий воздух. Мне неприятно представлять Марьяну рядом с Виталием в одной постели. Даже думать о ней в чужих объятиях оказывается невероятно тяжело. Внутри сразу полыхает злостью. Я же знал, что она должна была выйти замуж за этого пай-мальчика. Почему именно сейчас я настолько сильно злюсь? Из-за сына? Из-за того, что Марьяна посмела у меня украсть право на семью?

– Стоило мне заговорить о Марьяне и её муже, как ты вскочил и сразу ушёл. Видимо, бывшая подруга для тебя не такая уж бывшая, да? – комментирует Антон, появляясь рядом.

Опирается плечом о стену и смотрит на меня, посмеиваясь. – Всё-таки ты хочешь эту красотку?
Для себя?

– Нет. Не хочу. Я её ненавижу, – выдыхаю эти слова, искренне веря, что так и есть.

Глава 6. Марьяна

- Я не пойду в ресторан!
- Какая муха тебя укусила? Это всего лишь ужин! – спрашивает Виталием.
- Это не просто ужин. Это ужин, на котором обязана присутствовать я. Зачем? Чтобы ты похвастался мной, как красивой побрякушкой? – спрашиваю я, загружая посудомойку.
- Муж подходит сзади и проводит ладонями по моим плечам.
- Семья – это всегда двое. Ты – жена видного бизнесмена. Выходить вместе с ним в свет – это твоя прямая обязанность.
- Я устало вытираю пот со лба. Переубедить Виталию не получается. Я прекрасно знаю, что за этим стоит не его желание, а желание Богдана.
- Аня тоже будет на ужине?
- Разумеется! Ты так сильно нервничаешь из-за присутствия двоюродной сестры? Кажется, в прошлом между вами пробежала чёрная кошка.
- Это просто моя сестра. Раньше она считалась моей подругой, но потом мы сильно поссорились. Я не видела её несколько лет. И не хотела бы видеть.
- Увы, но придётся её потерпеть. Судя по тому, как она смотрит на тебя, вы крупно поцапались. Но всё это мелочи, малыш. Мы справимся... – убеждает меня муж.
- Когда ужин?
- На этой неделе. Чернов обещал позвонить и сообщить точное время и место, – муж обнимает меня, смыкая ладони под грудью. – Сладкая моя, ты так вкусно пахнешь!
- Это пахну не я, а булочки с корицей! – выворачиваюсь из объятий мужа.
- Он задумчиво смотрит на меня.
- В чём дело? Ты сторонись меня.
- Да! – отвечаю я. – Сторонюсь. Сказать, почему? Или сам ответишь?
- Понятия не имею, – качает головой муж и смотрит мне прямо в глаза. Пухлые, почти девичьи губы раздвигаются в лёгкой улыбке. – Малыш, ты подозреваешь меня в измене? Ревнуешь?
- Не подозреваю. Знаю. Вчера от тебя несло чужими духами, а на твоей рубашке была помада.
- Смотрю за реакцией мужа. Он не смущается.
- Тебе показалось, милая. Я был в баре. Там накурено, рядом сидела надушившаяся блондинка...
- Ах, она блондинка! – смеюсь. – Что ещё?
- Малыш, я с тобой. Не накручивай себя. Тебе просто показалось... Больше ничего. И это не помада, а след от вина.
- Хорошо. Пусть будет по-твоему – след от вина, прокуренный бар! Только моя паранойя остаётся при мне, окей?
- Включаю посудомойку и выхожу из кухни. Не могу дышать с мужем одним воздухом на двоих и не уверена, что смогу разговаривать, не переходя на повышенные тона.
- Постой! Что ты хочешь этим сказать?
- С этого дня я сплю отдельно.
- Виталий догоняет меня и дёргает на себя.
- Это перебор, дорогая. Ты будешь спать со мной! Как жена!
- Отпусти!
- Хватка пальцев на моём запястье усиливается. Муж толкает меня к стене и нависает надо мной.

– Ты – моя жена. Запомни. Сегодня я хочу видеть тебя в постели. В красивом белье. Хочу, чтобы была готова к встрече с любимым мужем!

– Об этом ты будешь просить любовниц. Мне надоело притворяться и делать вид, что я слепая. Я не слепая!

Супруг хлопает меня по щеке ладонью. Не сильно. Это не больно, больше обидно. Марина в детстве колотила меня гораздо сильнее. Но то было просто рукоприкладство, а пощёчина от мужа – это оскорбление. Щека горит.

– Извини. Вспылил. Похоже, я вчера перепил, голова раскалывается. Не соображаю, что несу... – муж тянется ко мне. – Больно? Дай посмотреть!

Я отшатываюсь от мужа.

– Посмотреть, достаточно ли сильно ударил? – шепчу я. – Будешь силой вынуждать меня к близости? Я не хочу тебя!

Выражение лица Витали стремительно меняется. Он крупный и сильный мужчина, со мной он всегда был мягок и осторожен. Но сейчас муж рвётся мне навстречу. Я вижу только его глаза, с застывшей обвиняющей злобой.

– Я пытался быть мягким, но ты вывела меня из себя! – рычит он.

Муж перехватывает за запястья и толкает к стене. Больно ударяюсь затылком, клацнув зубами по языку. Виталий разворачивает меня, пятернёй впивается в волосы. Муж с размаху прикладывает меня лицом в стену. Сдавленно шиплю, пытаюсь оттолкнуть его локтём. Мне не хочется быть использованной так. Я не понимаю, как моя жизнь могла превратиться в кошмар, где муж поднимает на меня руку и пытается взять меня силой. Виталий тяжело дышит мне в затылок, вжимая в своё тело. Меня спасает звонок телефон. Резкий и громкий. Муж замирает на месте.

– Ответь, – хриплю я. – Вдруг, это твой инвестор?

Супруг матерится под нос и отходит, на ходу одёргивая одежду.

– Да? Добрый день, Богдан! Нет, не побеспокоил.

Меня сотрясает нервной дрожью. Я обессиленно сползаю по стене вниз. Правая половина лица кажется опухшей. Я едва притрагиваюсь к ней пальцами – кожа горит от малейшего прикосновения.

– Всё в силе. Разумеется...

Слушаю уверенный, радушный голос мужа и его шаги по просторной кухне. Мне нужно подняться и скрыться от всего. Но сил у меня нет. Короткая схватка лишила меня сил. Я словно в трансе. Не ожидала увидеть лицо зверя вместо знакомого лица мужа.

Его руки. Кажется, они повсюду... Меня начинает подташнивать.

– До встречи.

Муж бросает телефон на стол. Я вздрагиваю от этого звука.

Хлопок дверцы холодильника. Шаги мужа. Он останавливается около меня. Его тень накрывает меня, как солнечное затмение. Мне страшно посмотреть в его лицо.

– Держи! – Виталий протягивает мне пакет со льдом. – Приложи к щеке. Опухоль сойдёт. Ты должна быть в форме. Ужин через два дня.

Глава 7. Марьяна

– Что с тобой? Ты совсем ничего не ешь.

Коллега по работе охотно уминает салат, а я в это время размазываю пюре по тарелке. Со вздохом отодвигаю её в сторону.

– Нет аппетита.

Я тру ноющие виски. Голова словно раскалывается на части. Достая обезболивающее из сумочки и запиваю водой. Скоро должно подействовать.

– Дома всё в порядке? – взгляд Любы обеспокоенно скользит по моему лицу, задерживаясь на правой стороне.

Как бы я ни прикладывала лёд, всё равно заработала припухлость и небольшой синяк. Припухлость я скрыла локонами, спадающими на лицо, а синяк замаскировала под плотным слоем консилера, тонального крема и пудры.

Вчера муж ушёл, не став завершать начатое. Вечером он взял меня под локоть и повёл в спальню. Паника начала колотиться в горле. Но Виталий всего лишь достал из верхнего ящика комода бархатную коробочку и раскрыл её галантным жестом. Там лежал золотой браслет.

– Это тебе. Извини, я сорвался, – супруг прочистил горло. – Думаю, ты была права. Нам, действительно, лучше переночевать пару-тройку дней отдельно. Чтобы соскучиться.

Браслет был изящный и лёгкий, но сразу понятно, что он не из дешёвых украшений. Я не стала говорить мужу, что не стоит сейчас разбрасываться остатками сбережений. Поблагодарила его и с радостью постелила себе в одной из гостевых спален.

После вопроса Любы я бездумно прокручиваю браслет на запястье.

– Марьян?

Я вынырываю из событий вчерашнего дня, улыбаюсь, заверяя подругу:

– Да, хорошо.

Люба перегибается через стол, говоря шёпотом:

– После таких «хорошо» увеличивается только количество синяков и косметики на лице.

Я слабо улыбаюсь в ответ, заверяя Любу, что она ошибается. Пожалуй, Люба – единственная, кого я с натяжкой могу назвать подругой.

После предательства Ани я разуверилась в женской дружбе и предпочла быть в одиночестве. Переваривала и копила всё в себе. Но с Любой я сблизилась после того, как случайно пересеклась в клинике. Оказывается, у дочери Любы, как и у моего Макса, были проблемы с сердцем. Наши дети наблюдаются у одного кардиолога.

– Так что с лицом, Марьян? – подруга впивается острым взглядом в лицо. – Я беспокоюсь. Ты всегда тихая, но в последние пару дней – особенно. Ещё и синяки начала прятать. Совсем всё плохо, да?

– Нет. Терпимо. Я сама виновата.

«Сама виновата» – говорю это автоматически. Иногда мне кажется, что Марине удалось вколотить эти слова в меня ещё с детства. Чтобы ни происходило, я думаю именно так – виновата сама.

Я пытаюсь быть сильной, учусь держать удары, даже пытаюсь отстаивать себя, но потом тихим шёпотом в моей голове раздаются эти три слова.

Ты сама виновата...

Крохотные оплошности превращаются в веские обвинения.

– Прекрати! Ты не виновата! – убеждает меня Люба. – Мужчина, поднимающий руку на женщину, автоматически перестаёт считаться мужиком!

Я слушаю жаркую речь Любы. Но подруга мало что знает о моей настоящей жизни. Ей сверху видна только водная гладь, а я знаю о десятках опасных подводных камней.

Звук вибрации привлекает моё внимание. Приходит сообщение с незнакомого номера. Я открываю его. Фотография платья. У него наглухо закрыта шея и нет декольте, но полностью открытая спина. Я знаю эту модель.

«Наденешь на ужин это платье...»

Я вздрагиваю. Богдан? Телефон снова оживает.

«Заканчивай с обедом. Ты всё равно ничего не ешь. Жду тебя на первом этаже. У фонтана...»

Я сжимаю телефон, разрываясь на части от неопределённости: сказать Богдану, чтобы проваливал на все четыре стороны, или проигнорировать его?

Следующее сообщение состоит всего из одного слова. Но оно заставляет меня подняться и спешно расплатиться за обед.

«Макс...»

* * *

Богдан ждёт меня у фонтана. Я обвожу взглядом широкий разворот его плеч, обтянутых серой футболкой. Глаза спрятаны за зеркальными солнцезащитными очками. Образ дополняют рваные джинсы, низко сидящие на бёдрах. Сейчас Богдан почти не похож на состоятельного бизнесмена и напоминает парня из прошлого. Я влюбилась в него без памяти, а он растоптал моё сердце.

– Привет. Что ты хотел от меня?

– Я отправил тебе фото платья. Хочу, чтобы на ужин ты надела именно его, – снимает очки и наклоняет голову, откровенно разглядывая меня.

– Может быть, я хочу надеть другое платье?

– Ты ещё не поняла, принцесса, что твои желания не учитываются? – Богдан хватается за куртку с лавки и кивает головой в сторону выхода. – Я куплю тебе это платье. По дороге расскажешь мне о сыне.

Я стискиваю пальцы на ремешке своей сумочки.

– Обеденный перерыв заканчивается. Мне нужно вернуться к работе.

– К работе или к хобби? По словам Ани, твой муж заявил, что это просто хобби. Занятие для того, чтобы убить скуку.

Богдан нарочно насмехается надо мной и бьёт прицельно. В центр мишени.

– Ладно, не смотри на меня так. Мне плевать на твою работу, на твоё хобби и на твою жизнь! Но на сегодня ты свободна. Увалов в курсе.

Я бросаю на него вопросительный взгляд.

– Позвонил твоему директору, – объясняет Богдан, стискивая пальцы на моём локте. – Я с ним на короткой ноге.

Ясно. У бизнесмена Чернова куча связей и способов, чтобы без труда взять желаемое. Мне остаётся только передвигать ноги в заданном им темпе. Не хочу прижиматься к нему, но это происходит непроизвольно.

Когда Богдан распахивает передо мной дверь, я оказываюсь прижата спиной к его груди. Чувствую напряжённое тело. Его подбородок касается моих волос. Я вновь начинаю тонуть в его дурманящем запахе. Коротко и обречённо вздыхаю, пытаюсь совладать с внезапной дрожью.

– Принцесса, – шепчет он с издевательской ухмылкой в голосе. – Не растекайся у центрального входа. Здесь полно людей. Но ты всегда можешь растечься на заднем сиденье моей машины...

Глава 8. Марьяна

Я поворачиваюсь и смотрю Богдану прямо в лицо.

– Зачем ты это делаешь?

Ловлю острый взгляд и пытаюсь распутать клубок его эмоций. Богдан взбудоражен – это единственное, что я определяю безошибочно. Остальное для меня находится за семью печатями. Сейчас Богдан для меня – это закрытая книга, которую к тому же опасно пытаться прочесть.

– Не стой на проходе, детка! – собирается с мыслями Богдан и подталкивает меня в спину.

– Не называй меня так.

– Я буду называть тебя так, как захочу.

Богдан крепче хватает меня под локоть, подводя к машине. Усмехаюсь. Чёрный английский внедорожник. Один из самых дорогих. Когда-то Виталий мечтал о таком. Мечты сбываются. С маленькой поправкой – иногда твои мечты сбываются у кого-то другого.

Я сажусь рядом с водителем. В салоне повисает густая тишина. Богдан держит руки на руле. Машина заведена, но не трогается с места. Мысли беспокойно мечутся, как испуганные мотыльки. Я думаю обо всём – о сыне, о прошлом, о разбитой семейной жизни. Поправляю волосы с правой стороны, тщательно пряча синяк.

– Зачем ты это делаешь? – повторяю свой вопрос.

– Хочу видеть на тебе красивое платье, – Богдан разглядывает меня, усмехаясь. – Разве неясно?

– Нет. Я не о том. Ты прекрасно понимаешь, о чём я. Ты на самом деле хочешь отобрать у меня сына?

Чернов смыкает челюсти. На скулах двигаются желваки.

– Пока я уверен лишь в том, что хочу увидеть его. Пообщаться с ним. Сделать тест-ДНК.

– И что потом?

– За прошедшие годы я научился только одному – мечтать на широкую ногу. Но планировать всего лишь на пару дней вперёд. Потому что иногда даже самые надёжные планы срываются... – туманно отвечает Богдан.

– Тебе нравится наблюдать, как я барахтаюсь от беспомощности в ожидании твоего вердикта? – задаю главный вопрос.

Давление на грудь немного уменьшается. Рядом с Богданом тяжело находиться. Но именно в эти моменты у меня прорезается голос. Он как будто приоткрывает завесу и показывает мне себя настоящую – без шелухи и навязанных норм.

– Поехали покупать платье! – игнорирует мой вопрос Богдан.

Богдан сосредотачивается на дороге. Его манера водить всё такая же резкая и немного опасная. Он любитель гонять на предельных скоростях.

В модном бутике Богдан просит дать мне примерить именно то самое платье, которое он отправил мне. Потом удовлетворённо разглядывает меня.

– Да. Я не ошибся. Оно смотрится на тебе великолепно...

Богдан проводит пальцами по спине, пробегаясь пальцами по позвонкам.

– Что дальше? – спрашиваю я, игнорируя трепет.

– Бельё, – бросает Чернов, отходя от меня.

– Бельё? – эхом повторяю я. – Ты выбираешь мне платье на ужин или бельё на ночь?

– И то, и другое. Ещё не поняла? – спрашивает он, повернувшись ко мне спиной.

– Как же твоя жена?

– Ты будешь единственным украшением ужина, Марьяна.

Бельё он тоже выбирает по своему вкусу. Строгие линии. Чёрный цвет. Ничего лишнего. Богдан расплачивается за покупки и подхватывает меня под локоть. Ведёт в ресторан, расположенный в том же торговом центре, но этажом ниже.

Я сижу, сложив руки на столе, пока он делает заказ. Выбирает сам. Даже не предлагает выбрать что-то. Похоже, мне в планах Чернова отведена роль послушной куклы. На глазах закипают горячие слёзы, грозясь сорваться вниз. Я опускаю взгляд, складывая из салфетки оригами.

Внезапно щеки касается ладонь Богдана. Он проводит пальцами по скуле, приподнимает моё лицо. Трогает волосы. И прежде, чем я успеваю отвести лицо в сторону, он отодвигает прядь волос, желая заправить за ухо. Его рука застывает в воздухе, так и не закончив движение.

– Что это?

Подушечки пальцев невесомо поглаживают припухшую сторону щеки. Взгляд Богдана темнеет, в нём плотными кольцами закручивается холодная ярость.

– Этот урод бьёт тебя?

Глава 9. Марьяна

Я отодвигаюсь, снова закрываю волосами лицо.

– Какое тебе дело?

– Бьёт или нет? – Богдан напряжён. Пальцы стиснуты в кулаки.

– Даже если и бьёт, то что? Тебе плевать.

Чтобы занять пальцы, тянусь к высокому стакану с водой. Перекаत्याю его между ладонями и отпиваю совсем немного.

– Золотой брак оказался не таким уж золотым? – цедит сквозь зубы Богдан.

– Скорее, он оказался клеткой. Позолоченной, – добавляю неожиданно для себя. – И вся позолота уже давно слезла...

– Я вижу.

Богдан медленно отодвигается на спинку дивана. Официант расставляет тарелки на столе. Спрашивает у Богдана, будем ли мы заказать что-нибудь ещё. Но Богдан не слышит его. Смотрит прямо мне в лицо, но словно сквозь меня.

– Нет, спасибо. Мы позовём вас, если понадобится что-нибудь ещё, – отправляю официанта прочь.

– Часто?

Не понимаю смысл вопроса Богдана, уточняю, что он имел в виду.

– Часто муж бьёт тебя? – спрашивает он.

– Можешь мне не верить, но это впервые.

Богдан кивает, насмешливо бросая:

– Ну, конечно. Ещё скажи, что с лестницы неудачно спустилась.

– Нет. Не скажу. Но Виталий на самом деле поднял на меня руку впервые. Знаешь, почему? Потому что я не отказывалась идти на тот самый ужин, где ты пожелал видеть меня. Я наивно полагала, что от решения моего мужа что-то зависит, думала, что если откажу – он прислушается, – показываю на лицо. – Как видишь, не прислушался. Вышел из себя. Впервые за шесть лет брака его оптимизм и вера в собственные силы дали трещину.

Перевожу дыхание, перекладывая с места на место столовые приборы.

– Поешь, – говорит Богдан. – На тебе лица нет. Хоть и накружилась ярко.

Начинаю перебирать вилкой салат с морепродуктами. Выбираю вилкой зелень, но аппетита нет. Трудно быть в хорошем настроении и не думать о чём-нибудь другом, кроме угрозы лишиться сына, семьи... Лишиться всего.

Сейчас под насмешливым взглядом Богдана я начинаю думать о кощунственных вещах – о том, что моя семья – и так лишь фикция, ширма, за которой я спрятала ребёнка. Марина бы непременно избавилась от внебрачного ребёнка. Всё ради него, ради Макса.

Но сейчас надо мной нависает угроза лишиться сына. И если Богдан отберёт Максима, останется ли что-то ценное и по-настоящему дорогое для меня?

– Значит, Виталий очень хочет получить финансирование, если начал колотить любимую жёнушку... – растягивает слова Богдан. – Занятно. Я начинаю думать о том, что от моего сына он откажется даже быстрее, чем я предполагал.

– Всё-таки хочешь отобрать Макса у меня?

– Возможно, это просто необходимо. Если Виталий начал бить тебя, неважно под каким предлогом, что мешает ему поднять руку на сына?

– Нет! – выпаливаю я. – Виталий любит сына. Он добр к нему!

– Вот это мы как раз и проверим. Уже очень скоро. Насколько сильно он любит тебя и сына, – говорит Богдан, отправляя в рот кусок мяса.

– Мы говорим о сыне или обо мне? – напрягаюсь ещё больше я. – Что конкретно ты от меня хочешь?

– Ешь, Марьяна. Сейчас я хочу, чтобы ты пообедала! – командует Богдан.

– Не увливай от ответа, Богдан, – прошу я.

– Да, я хочу забрать сына. Я был шокирован тем, что у меня, оказывается, есть сын! Я бы забрал его уже в ближайшие дни, но он ещё мал. Я не хочу ни травмировать его, ни слушать истерики на тему, где его папа и мама. Я понимаю, что ему будет трудно понять некоторые вещи, поэтому...

Богдан делает паузу. Я в это время сижу, едва живая, неспособная пошевелиться. Затаив дыхание, ожидаю вердикта от некогда любимого мужчины.

– Поэтому я планирую сначала подружиться с ним. Заметь, вопрос с тестом ДНК я не откладываю в сторону. Просто сыну нужно будет время, чтобы привыкнуть ко мне.

Выдыхаю немного спокойнее. Но сразу же понимаю, что будет подвох.

– Почему я чувствую, что ты не договариваешь?

Богдан сощуривает глаза, едва заметно кивнув. Догадка озаряет меня.

– Какую роль буду играть я, пока ты пытаешься подружиться с Максом?

– Ту, которую я скажу, разумеется, – ухмыляется Богдан.

– Тебе скучно? Кончились развлечения для богатых и пресыщенных всем, чем только можно? – спрашиваю я голосом, чуть более громким, чем до этого.

– Bravo! – хлопает в ладоши Богдан, восхищённо глядя на меня. – Теперь ты похожа на живого человека! Теперь похоже на то, что ты испытываешь эмоции, а не играешь их.

Всё ясно, Чернов просто решил развлечься за чужой счёт и выбрал лучшее место в первом ряду, чтобы не пропускать ни единой минуты из представления.

– Давно ты женат? – спрашиваю я.

– Года четыре, – безразлично пожимает плечами Богдан. – А что?

– Почему не завели детей? Отпала бы необходимость отбирать моего сына...

– Аня не может иметь детей. У неё большие проблемы с женским здоровьем.

– За ужином зашёл разговор о детях. Я поняла, что тема детей неприятна для Ани. Только ли из-за того, что она не может иметь детей? Вы пробовали их завести? – спрашиваю я. Задаю вопрос за вопросом, не давая возможности перехватить управление.

– Ты не получишь ответы на все вопросы, – ровным голосом отвечает Богдан.

– Я и не хочу этого, Богдан. Просто подумай над тем, что ни ты, ни Аня не знаете Макса. И если ты ещё заявляешь о желании подружиться с моим сыном, то насчёт Ани нельзя сказать того же. Возможно, ей хотелось бы иметь детей, но своих. Она никогда не полюбит Макса и не сможет заменить ему меня. Не сможет стать ему настоящей матерью! Ты сделаешь больно не только мне. Боже, просто не бери меня в расчёт, но подумай о Максе.

– Думаю. Я думаю о нём постоянно с той поры, когда узнал о нём. Вот здесь, – стучит себя по голове Богдан. – Засела мысль о том, что всё могло быть иначе. И не отпускает.

Всё могло быть иначе...

Богдан произносит эти роковые слова, и у меня внутри что-то сжимается до острой, болезненной рези.

– И как по-твоему всё было? – спрашиваю я ровным голосом.

– Как? – Богдан наклоняет голову. – Рассказать? Я ждал тебя, но нарвался на ментов.

Кто-то дал наводку об угнанном байке.

– Твой байк был угнан?

– Нет... Но у ментов и без этого поводов хватало. Пришлось удрать. Петлял по городу, позже вернулся в назначенное место. Прождал до рассвета. Твой телефон не отвечал. Потом ты прислала мне сообщение. «Кочевая жизнь не для меня. Я не смогу...» И далее по тексту. Нищерброд, отсутствие уверенности в завтрашнем дне.

– Занятная у тебя правда, – усмехаюсь. Смотрю на циферблат часов. – Извини, обеденный перерыв давно закончился.

– Я отпросил тебя у директора. Сядь! – командует Богдан.

– Возможно, ты отпросил меня. Но это означает лишь то, что работу придётся взять на дом. Дома я предпочитаю заниматься семьёй. Мне стоит вернуться на своё рабочее место. Платёж можешь передать через курьера. Твой ужин пройдёт по назначенному сценарию. Не сомневайся.

– Марьяна... – с угрозой в голосе произносит Чернов.

– У меня полно дел, Богдан. А если тебе нечем заняться, то подумай вот о чём. О том, что я собралась сбежать из дома, знали только трое. Ты, я и Аня. Я мечтала вырваться из этой тюрьмы больше всех. Но всё сорвалось. Может быть, ты сам решил не связываться с хорошей, но проблемной девочкой вроде меня?

– Бред! – цедит сквозь зубы Богдан.

– Тогда тебе есть о чём поговорить со своей женой, – улыбаюсь я. – Обязательно поговори с ней. По душам.

– Поговорить? О чём? Я всё видел своими глазами! – Богдан сцепляет пальцы под подбородком. – Ты мне звонила, помнишь?

Киваю, не в силах выговорить ни одного слова.

– В тот момент я был в городе. Вернулся. Не знаю, зачем. Наблюдал за тобой издалека, – усмехается Богдан. – Просто в голове перемкнуло и захотел увидеть всё своими глазами. И увидел, тебя и Виталия. И знаешь, что, милая? Ты вовсе не выглядела недовольной жизнью. Ты была так счастлива, что я убедился в правдивости твоих слов насчёт удобной и красивой жизни с Виталей.

Богдан замолкает. Только моё сердце грохочет в абсолютной тишине. Мне есть что сказать ему в ответ на обвинения. Но язык прилипает к нёбу. И глядя на Богдана, я понимаю, что он меня не услышит. Он уже обвинил меня во всех смертных грехах и вынес приговор.

Сейчас в нём слишком много лютой ненависти и желания отыграться. Любой ценой.

Глава 10. Марьяна

Я сказала Богдану, что проведу остаток дня за работой. Наверное, со стороны всё выглядит так, словно я работаю. Но на самом деле я лишь бездумно кликаю мышкой и щёлкаю по клавишам. Выполняю рутину, не задумываясь о результате.

Мыслями я целиком и полностью в нашем прошлом. Обжигающем. Прекрасном. Отвратительном. Чувственном... Тогда я чувствовала себя по-настоящему живой и впервые научилась поднимать взгляд от земли.

Сейчас я вновь оживаю, только если нахожусь рядом со своим сыном. До конца рабочего дня остаётся куча времени. Но я решаю встать и уйти, чтобы забрать сына из садика пораньше.

Макс удивлён тому, что я приехала за ним раньше. Но его удивление быстро сменяется радостью.

– Хорошо, что сегодня меня забираешь ты, а не бабушка! – доверчиво шепчет сынишка. – Она всегда ворчит, если я криво завязываю шнурки.

– О, как я тебя понимаю. На меня бабушка тоже постоянно ворчит, – улыбаюсь я. – Но сегодня у нас день самоуправления. Мы забудем о всех ворчливых бабушках на планете.

Макс заворожённо слушает меня. Выйдя из здания, сразу тянет меня на детскую площадку во дворе детского сада. Просит немного поиграть с ним здесь. Я уступаю его просьбе. Но всё же сообщаю, что нас ждёт аттракцион в парке.

Пока Макс скатывается с горки, я ищу в телефоне номер такси. Сегодня моя машина с утра странно тарыхтела. Сороковка далеко не новая, подержанная, но ещё бодренькая. Роскошным новым автомобилем в нашей семье может похвастаться только Виталий. Машина ему просто необходима для создания имиджа успешного человека. Но оба автомобиля заложены в банке.

– Можно вызвать такси? – спрашиваю у диспетчера.

– Не стоит.

Я вздрагиваю, услышав голос Богдана.

– Я отвезу, – обещает он, отбирает телефон и сбрасывает вызов.

– Ты следишь за мной?

– Нет... – отрицательно качает головой. Смотрит на сына. – Всего лишь приехал посмотреть, в каком садике учится мой сын.

– Надеюсь, ты не планировал подходить к нему без меня и пугать его? – напористо спрашиваю я.

– Успокойся, – смеётся Богдан, погладив меня по спине. – Я не кретин, чтобы воровать ребёнка. Хотя продолжаю настаивать, что с родным отцом ему будет лучше.

– Лучше, чем где? Лучше, чем с матерью?

– Не начинай, – презрительно кривит губы Богдан.

– Я не сдамся без боя, – встаю перед Богданом, упрямо заявляя. – Я не отдам Макса Ане.

Ни за что...

– Решительно настроена, малышка? Но давай отбросим в сторону наши прения? Я просто хочу посмотреть на сына. Позови его.

– Нет. Пусть бегаёт...

– Позови! – в голосе Богдана чувствуется сталь. Но следом он добавляет чуть мягче. – Пожалуйста.

Просьбе в его голосе сложно сопротивляться. Какая-то часть меня солидарна с тем, что говорит Богдан. Я должна была сказать, что у него есть сын. Но у меня язык не повернулся вымолвить хотя бы одно слово после его злого и отрывистого «Не звони мне, дрянь!»

– Макс! – зову я. – Мы опоздаем в парк!

– Бегу-у-у-у!

Я с волнением наблюдаю, как сынишка несётся ко мне. Иногда приходится напоминать ему быть осторожнее. Я беспокоюсь за его больное сердце. Но малыши не любят запреты.

– Поедешь в парк, Максим?

– Да. Хочу покататься на колесе.

– Хорошо, покатаемся на колесе, – соглашаюсь я, оправляя на сынишке кепку.

Богдан держится рядом. Чувствую, насколько он напряжён.

– Я хочу тебя кое с кем познакомить, – говорю сыну, показывая на Богдана. – Это Богдан. Максим настороженно смотрит на Богдана.

– А кто он?

– Богдан. . . – я немного задерживаюсь с объяснениями, но потом выкручиваюсь. – Богдан – мой старый и хороший друг. Теперь он дружит со всей нашей семьёй.

– И с папой? – спрашивает Максим.

По лицу Богдана проносится тень.

– Скажу по секрету, что у Богдана много друзей. Ты тоже можешь с ним дружить.

– Хорошо, – соглашается сынишка. Протягивает ладошку. – Привет, Богдан. Меня зовут Макс.

Богдан присаживается на корточки. Игнорирует протянутую ладошку, порывисто обнимая Максима. Задерживает его в объятиях. Макс настороженно замирает.

Богдан отстраняет его от себя.

– Привет, парень, – говорит он охрипшим голосом. – Как у тебя дела?

– Хорошо, – Максим ловит мою ладонь, отстраняясь от Богдана.

Чернов резко встаёт. Движения тугие и скованные, полные нервного напряжения. В нём плещется обида и разочарование.

Я чувствую его тупую боль сейчас, как свою собственную. Не одобряю методов, которыми он решил добиться общения со своим сыном. Но не могу его винить за этот порыв, за искренние объятия, за жажду тепла родного человечка. Макс – его сын. Я не могу лишиться его этого. Не имею права.

– Макс, Богдан хочет показать тебе, как управлять автомобилем, – говорю я.

– Правда? – недоверчиво спрашивает Максим, переминаясь с ноги на ногу.

– Да, только нужно добраться до парковки первым!

Максим сразу же разжимает пальцы и бросает бежать по дорожке в сторону парковки. Богдан провожает его взглядом. Дотрагиваюсь до плеча мужчины, обращая на себя внимание. Богдан словно просыпается. Но глаза стеклянные, лишённые всякого выражения.

– Он привыкнет к тебе, – провожу пальцами по мужскому плечу. – Но сейчас он не поймёт, почему ты – его папа. Стань для него сначала другом.

– Другом? – усмехается Богдан, прикрывая глаза.

– Дай шанс. Ему и себе, – проглатывая слёзы, подступившие к горлу, обещаю. – Он обязательно полюбит тебя.

Глава 11. Марьяна

Мы проводим время втроём – я, Макс и Богдан. С одной стороны, всё замечательно, с другой – очень нервно и напряжённо. Сынишка немного оттаивает и болтает с Богданом, охотно играет с ним. Но я слежу за реакцией Богдана и чувствую, как в нём закручивается тугая спираль ярости после каждого слова «папа», сказанного Максом и обращённого не к Богдану.

Я ощущаю его боль и злость, обращённую остриём внутрь, ядовитую и разъедающую. Богдан зол и не только на меня. Он злится и на себя тоже.

– Это последний аттракцион, Максим, – говорю сынишке, отпуская его. – Нам нужно вернуться домой.

Богдан перехватывает мою ладонь и притягивает к себе поближе.

– Что он любит? – спрашивает Богдан, глядя в сторону сына. – Я ничего не знаю о нём. И это так паршиво. Ты даже не можешь себе представить, как дерьмово я сейчас себя чувствую.

На мгновение меня захватывает в плен беспокойство о нём, хочется уничтожить плен разрушающих мыслей вокруг него. Это так странно... Богдан заявляет, что хочет разрушить мою жизнь, а я переживаю за этого мужчину, ставшего чужим. Или желающего казаться чужаком. Я не знаю, что ему ответить. Но сейчас Богдан делится частичкой переживаний, показывая себя настоящего. Мне хочется верить, что не все светлые стороны погрязли во мраке обид.

– Ты не сможешь узнать его за один день, Богдан...

– Да? А за два или за три дня? – резко приближается ко мне. Злость сжигает его изнутри. – Неделя? Месяц? Сколько?!

– Прекрати, – неожиданно для себя глажу его по щеке. Немного колкая щетина царапает подушечки пальцев.

Богдан оторопело смотрит на меня, но через мгновение расслабляется. Прижимается щекой, глядя при этом мне в глаза. Прошлое стирается широкими мазками. Растворяется. Так легко обмануть себя, что не было многих лет разлуки. Нужно только поверить в мираж...

– Я каждый день узнаю сына с новой стороны. Уверена, что буду думать точно так же через месяц или через год, – говорю, стряхивая наваждение. – Ты злишься. Не стоит. Лучше радуйся...

– Чему, Марьяна?

– Тому, что у тебя есть возможность узнать сына. Или тому, что у тебя есть средства, чтобы заставить меня знакомить тебя с ним, – вздыхаю. – Как далеко ты зайдёшь?

– Не знаю, – признаётся Богдан. Отнимает мою ладонь, но держит её между своих. – Мне сложно сейчас адекватно оценивать происходящее. Как будто кувалдой по голове ударили.

– Ты говоришь, как запутавшийся кукловод, – усмехаюсь я. – Определяйся скорее. Неведение изматывает больше всего.

Проронив слова, понимаю, что сама даю ему подсказки, за какие ниточки дёргать. Богдан поправляет волосы левой рукой, но правой продолжает держать меня за руку. Это безобидное прикосновение, но всё равно волнующее, пронизывающее насквозь ожиданием чего-то большего.

– У тебя есть подруга?

– Не понимаю, зачем тебе это знать...

– Подруга, с которой ты могла бы отправиться тусить в клуб или просто посидеть в кафе.

Поздним вечером, – объясняет Богдан.

– Есть, но...

– Сегодня вечером ты якобы отправляешься гулять с подругой. Макса может уложить спать бабушка, да?

– Может, – отвечаю я. Марина строга с Максимом, но яд сцеживает только в мою сторону.

– Значит, договорились. Я позвоню и скажу, куда приехать, – Богдан отходит в сторону. – Сейчас вызову вам такси. Не хочу вызывать лишних подозрений у твоего мужа.

Последние два слова неприятно царапают меня изнутри.

– Ты сказал, что не знаешь, как далеко готов зайти. Кажется, ты соврал мне.

– Может быть, я соврал себе?

Сжимаю пальцы в кулаки. Меньше всего сейчас мне хочется быть забавой для Богдана. Но я всё ещё лелею надежду на его человечность. Безумно надеюсь, что он не будет отбирать у меня сына. Может быть, он наиграется, потешит свои обиды и уйдёт в сторону?

Богдан вызывает для нас с Максимом такси, сообщая марку машины. Потом тепло прощается с сынишкой. Он старается сдерживать порывы. Но со стороны хорошо видно, что он жаждет близкого общения с Максимом.

– До вечера, – прощается со мной, довольно улыбаясь. Касается губами моей щеки, шепнув. – Надень джинсы и кеды. И захвати с собой куртку.

Глава 12. Марьяна

Я говорю мужу, что хочу пойти с подружкой в кафе. Мне совестно, что я обманываю его. Жду, что он будет перечить. Но муж на удивление не говорит ни слова против.

– Конечно, сходи развейся. Знаешь, нам всем необходима перезагрузка.

Виталий отправляет Макса в ванную и обнимает меня. Я напрягаюсь. Муж виновато смотрит на меня, потом разжимает объятия.

– Кажется, я предстал перед тобой не в лучшем свете, да? Я перегнул палку. Сам не ожидал от себя. Но я прошу прощения. Этого больше не повторится, – заглядывает мне в глаза. – Правда.

Мне хочется верить ему на слово. Но знаю, что теперь всегда буду опасаться его срыва. Не смогу смотреть на него по-прежнему. Виталий – неплохой отец, уделяет внимание Максиму, играет с ним и не скупится на подарки. Все бытовые вопросы и рутина достаётся мне – посещение больницы, сад, дополнительные секции. Но есть мужчины, которые и то, что делает Виталий, выполняют нехотя.

Не понимаю, зачем я пытаюсь себя убедить, что Виталий – хороший отец для Максима. Возможно только потому, что не хочу лишаться сына. Ищу любую зацепку или аргумент для отстаивания своей позиции. Пусть даже Богдану на неё плевать.

* * *

Я приезжаю в назначенное время и место. Дожидаюсь Богдана. Он появляется через пару минут. Под громкий рокот мотора байка.

На мгновение словно проваливаюсь в прошлое с головой. Богдан кажется всё тем же – дерзким хулиганом, циником, способным иногда на романтические поступки. Только игрушки у Богдана сейчас намного дороже, а запросы – выше.

– Ты решил покататься?

– Да. Хочу прокатить тебя с ветерком, – отвечает, подняв забрало шлема. – Хочу побыть вместе с тобой. Без лишней шелухи и вот этого всего, – показывает рукой на город, словно тот виноват в том, что есть и в том, что было. – Давит. Хочется убежать. А тебе?

Богдан протягивает мне шлем, надевает его молча. Пальцы словно нарочно, застёгивают ремешок очень медленно, задевая кожу шеи. Его взгляд обжигает мои губы. Он смотрит на меня, как раньше, несколько лет назад. Я чувствую его голод каждой клеточкой кожи. От одного такого взгляда становится жарко. Богдан приближается, словно проверяя крепления. Вблизи его глаза блестят ещё ярче. В них больно смотреть – начинает трясти, как от лихорадки.

Богдан садится. Я занимаю место позади мужчины. Крепко обхватываю его за торс.

– Погнали, – слышу приглушённый голос Богдана.

Байк срывается с места. Я старалась держать дистанцию. Не прижиматься всем телом. Но Богдан до сих пор следует привычке куражиться на огромной скорости.

Сердце замирает и сжимается от страха и щедрого выброса адреналина в кровь. В какой-то момент я устаю бояться, что мы разобьёмся. Точка невозврата пройдена. Наступает расслабление. Голова слегка кружится. Всё вокруг сливается в единое пятно. Даже не удивляюсь, как Богдану удаётся управлять байком и избегать столкновения на такой скорости – кажется, сейчас ему по силам абсолютно всё.

Мы летим на немыслимой скорости. Несёмся в никуда, убегая от проблем.

Я ловлю кайф от езды – создаётся ощущение полёта. Кажется, если разомкнуть объятия – можно взлететь. Высоко-высоко, наплевав на всё остальное. Я просто чувствую себя неверо-

ятно живой. Словно рискую всем, что есть, и впервые не боюсь, что риск не оправдывается. Есть только сейчас, и ничего кроме.

Ладонями чувствую жёсткие, прокачанные мышцы живота. Богдан словно нарочно, наклоняет мотоцикл под немыслимым углом. Прижимаюсь к нему сильнее, всем телом. В ответ его сердце начинает стучать быстрее. И моё сердце замирает лишь на секунду только для того, чтобы поймать одну волну и подстроиться под его ритм.

Я чувствую Богдана невероятно хорошо. Грудью, ладонями, локтями, ногами, расставленными по обе стороны от его ног. Тело наполняется приятной тяжестью и томлением, пульсирующим внизу живота. Я прекрасно понимаю свои чувства. Игнорировать их не получается. Меня штормит от его близости. Остро и жадно хочется большего. И это сумасшествие, очевидно. Иррационально, неразумно и немного жалко – желать его настолько сильно.

Не знаю, как долго гонял Богдан. Потом остановил байк где-то за городом. Только вдалеке змеится цепочка ярких огней.

Слезаю с мотоцикла, чуть пошатываясь. Ноги плохо держат меня от сильного напряжения.

Богдан усмехается. Ловит ладонями за талию. Снимает наши шлемы, повесив на руль. Обхватывает ладонями моё лицо. Зеленоватые глаза лихорадочно блестят. Губы под его настойчивым взглядом начинают жечь ещё сильнее. В нём слишком много голода и страсти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.